

Сергей Изуграфов *Убийство на вилле «Афродита»*

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Убийство на вилле
«Афродита». Детективная
серия «Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Убийство на вилле «Афродита». Детективная серия «Смерть на Кикладах» / С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746199-7

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос, где Алекс покупает виллу и виноградник. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик...

ISBN 978-5-44-746199-7

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
Часть вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Убийство на вилле «Афродита»

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-6199-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел.

Гомер, Одиссея.

Пролог

Мачты подняли, развев паруса, и канат отвязали,
Спутники все на него собрались и, усевшись на лавках,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

Гомер. Одиссея.

По лазури Эгейского моря летела красно-белая птица, разрезая волны острым форштевнем и оставляя за кормой волнующийся пенистый след. На борту катера белели буквы: «Vodafone» и «Hellenic Seaways».¹

«Каких—то три с половиной часа, всего пятьдесят евро – и наш комфортабельный скоростной паром доставит вас из порта Пирей на прекрасный остров Наксос: крупнейший и один из наиболее живописных Кикладских островов!»

Три с половиной часа! Кошмар какой! Итальянскую туристку отчаянно мучило. Эти рекламные брошюры заморочат голову кому угодно!

Как она могла согласиться на это путешествие по морю, когда можно было спокойно долететь самолетом всего за сорок минут? Это все Фабрицио, будь он не ладен! «Дорогая, это так романтично: море, волны...». При мысли о волнах ей снова стало хуже.

– Агата, да оставь уже в покое кошку, ради всего святого! – страдальчески прикрикнула она на дочь, быстроглазую жизнерадостную девчушку, тянувшую белоснежное хвостатое создание за лапы из корзины-переноски.

Кошке, очевидно, тоже было не по себе от морского путешествия: у нее даже не осталось сил на то, чтобы выразить свой протест возмущенным мяуканьем.

Но куда подевался Фабрицио? Пропал, как в воду канул! Ей казалось, что с того момента, как муж ушел за минералкой для нее, прошла целая вечность.

В салоне быстроходного парома стоял ровный гул голосов: стайка итальянских студентов оживленно что-то обсуждала, по обыкновению перекрикивая друг друга, маша руками и разражаясь то и дело дружным смехом; несколько супружеских пар беседовали вполголоса, наблюдая в иллюминатор за морской гладью и парящими в небе альбатросами; пожилая испанская пара – она отметила их еще во время посадки – ссорилась, вернее, жена что-то настойчиво выговаривала мужу, а тот угрюмо молчал; и, в довершение, из колонок звучала ужасная греческая музыка, которую она терпеть не могла.

Луиза всегда поражалась, как греческая цивилизация не смогла создать в музыке ничего достойнее нелепого заунывного завывания под струнную трескотню! А голоса, Святой Франциск! Хриплые, немелодичные... Ей, поклоннице благородного итальянского бельканто, этого никогда не понять!

Соседский мальчик лет двух вдруг снова громко вскрикнул и, заливисто рассмеявшись, в который раз швырнул на пол свою игрушку.

Луиза поморщилась: надо принять таблетку, иначе к тошноте прибавится еще и мигрень. Но где же носит Фабрицио?

Дверь в салон плавно отъехала в сторону, и на пороге появилась мужская фигура. «Ну наконец-то! Где ты...» – произнесла она было грозным тоном, но осеклась. Это был не Фабрицио.

В дверном проеме, выжидая, пока глаза привыкнут к полумраку салона после залитой ярким солнечным светом палубы, стоял мужчина – брюнет средних лет в отлично сшитом светлом костюме, держа в руках деревянную трость и кожаный дорожный саквояж. Ростом незна-

¹ «Греческие морские перевозки» – англ. (прим. автора)

комец был выше среднего, но отменная выправка словно добавляла ему еще добрых несколько сантиметров.

Такую благородную осанку Луиза видела только однажды в детстве, когда к ним в гости из Рима приезжал ее дядя, полковник гвардии Рафаэль Кавальканти – в великолепном военном мундире, с расшитыми золотом эполетами и в лакированных сапогах. С тех пор она всегда питала к военным некую слабость, но вот угораздило же ее выйти замуж за винодела!..

Луизе, сидящей лицом ко входу, удалось хорошо рассмотреть лицо незнакомца. Оно было усталым, странным образом отнюдь не загорелым, даже бледным. Глубокая складка – признак душевных переживаний – залегла у губ, серые глаза внимательно рассматривали салон в поисках подходящего местечка. Небольшой тонкий шрам у левого виска нисколько не портил синьора, скорее – наоборот, лишь добавлял интриги. Словом, настоящий романтический герой, один из тех, о которых она читала в юности. Сердце Луизы дрогнуло.

Поддавшись неожиданному для себя порыву, она едва не предложила ему место рядом – ничего, кошка посидит и на полу – но вовремя одумалась: Фабрицио должен был вернуться с минуты на минуту, будет скандал!

Луиза страдальчески вздохнула, и незнакомец обратил на нее внимание. Видимо, поняв ее мучения, он сочувственно улыбнулся, глядя прямо в глаза. Улыбка не была дежурной, Луиза почувствовала это сразу. Итальянка поняла, что краснеет и отвела взгляд. Мучившая ее всю дорогу тошнота разом пропала, словно ее и не было, а путешествие по морю вдруг показалось не такой уж и плохой идеей.

В это время громко и протестующе взвыла кошка: Агате удалось-таки вытащить ее из корзины.

– Санта Мария! Агата! Сколько можно повторять! – воскликнула несчастная туристка и, отобрав бедное животное у ребенка, вернула его обратно в переноску.

Мужчина в это время определился с местом и быстрым шагом прошел в дальний угол салона, разместил свой багаж над головой и сел в кресло, откинувшись назад и прикрыв глаза. За его спиной велись разговоры (по старой привычке полиглота-лингвиста он быстро определил языки) на итальянском, английском, вон в том углу – по-испански. В салоне были одни туристы.

– Вы только подумайте! – громче других, перекрикивая соседей, вступила миловидная итальянка с копной роскошных черных волос.

Когда она говорила, отчаянно жестикулируя, то встряхивала ими, словно в подтверждение своих слов. Мужчина невольно залюбовался ей.

– Это же Киклады! Это древнейшая история! Это было еще до Рима! Я хочу посетить все острова!

– Готов спорить: наша Мария снова хочет на ночную пенную дискотеку! – съязвил один из студентов, и вся компания разразилась бурным хохотом, видимо, вспомнив что-то смешное из совместной прошлой поездки.

– Молчи, Рикардо, молчи, бестолковый птенчик! – не смущаясь, парировала Мария. – Ладно я – будущий врач, но вы-то – историки: вы хоть знаете, куда едете? Один только остров Дилос, где, по легенде, были рождены Аполлон и Артемида – обязательно нужно там побывать! А эти чудесные Наксос и Парос! Кстати, именно на Паросе была найдена знаменитая Паросская хроника, высеченная на мраморе: теперь она хранится в Оксфорде! Вы хоть знаете, о чем я говорю, балбесы?

«Балбесы» радостно перемигивались, пихали друг друга локтями и корчили веселые рожицы.

– Тебе, Микеле, еще учиться и учиться, смотри, отчислят из Университета, а у тебя тоже лишь пенные вечеринки на уме да девушки! Представить только, уже сегодня мы будем на Наксосе и увидим фантастические врата храма Аполлона! Киклады – это две сотни маленьких

островов, и у каждого своя уникальная история, атмосфера и дух – у каждого! А вам бы только хихикать, как малолетки, ей-богу! – последние ее слова утонули в дружном смехе ее друзей, которые знали ее давно и уже не обижались на такие выпады. Мария была душой компании, и идея поехать в Грецию принадлежала целиком и полностью ей.

– Наша Венера сегодня что-то так возбуждена: покраснелась, смотри, как будто влюбилась, – бросил Микеле своему соседу.

К его счастью, она пропустила шутку мимо ушей и переключилась на новую тему.

– Кстати, о Венере! Вы знаете, что Венеру Милосскую, а это только одно из многочисленных изображений Афродиты, тоже нашли здесь, на Кикладах? Если бы вы могли напрячь свои скудные извилины, то даже догадались бы, как называется остров, где она была найдена! Ну? На развалинах древнего амфитеатра на острове... Сами догадаетесь или рассказать?

– Интересно, расскажи, Мария! – попросили наперебой две ее подружки, а мальчишки согласно закивали головами.

– Ладно уж! Слушайте! В начале девятнадцатого века жил такой моряк-француз Оливье Вутье. Жуткий авантюрист, между прочим! Когда он решил попытать счастья на Милосе в поисках древностей, которые активно сбывал перекупщикам на черном рынке, он и представить себе не мог, что отыщет такое чудо. Он приступил к раскопкам вместе с местным крестьянином, и они вдвоем нашли статую. Кстати, на тот момент у нее еще были на месте обе руки! Но у него не было документов на ее вывоз, местные власти отказали ему, и он попросту бросил свою находку. Но навсегда вошел в историю, как человек, который нашел Венеру Милосскую.

– Ничего себе! – присвистнул Рикардо. – А что было дальше?

– А дальше началась и вовсе сумасшедшая интрига: прознав о находке, за ней отправился другой морской офицер, Жюль Дюмон-Дюрвиль, предварительно оформив все необходимые бумаги в Стамбуле. Оформить-то оформил, но не сказал властям, что именно собирается вывезти! И вот он прибыл на остров и видит, что Венеру уже погрузили на русский корабль, чтобы отвезти ее в Стамбул. Он с трудом выторговал статую у русских, ссылаясь на то, что у него оформлено официальное разрешение на вывоз. Забрал и увез... Во Францию! В Стамбуле, когда узнали, что они потеряли, пришли просто в бешенство. Турки даже публично высекали самых влиятельных граждан Милоса, обвинив их в потере сокровища.

– А руки-то куда делись? – подал голос Микеле.

– А руки у Венеры пропали уже по дороге. Говорят, была какая-то драка между турками и французами, во время которой статую и повредили. В таком виде – безрукую – ее и привезли в Париж.

– А потом?

– Потом статуя была выкуплена Лувром, где и находится сейчас. Кстати, я считаю, что и Лувр, и Берлинский, и Британский музеи должны вернуть грекам их национальные реликвии. Это все принадлежит грекам! Согласны? Пусть хранятся в их музеях! Кстати! Как только мы прибудем на Наксос, я сразу же хочу осмотреть Археологический музей и Портару – развалины недостроенного храма Аполлона. Кто со мной?!

– С тобой я готов осматривать развалины любого храма, детка! Хоть до самого утра! Разве я не похож на Аполлона, я ничуть не хуже! – бойко выпалил один из смуглых темно-волосых спутников Марии и предусмотрительно подскочил со своего места, так как в него уже летел пустой стаканчик из-под кофе, что наливали в баре на верхней палубе. Вся компания в сотый раз дружно рассмеялась.

Таинственный пассажир с улыбкой и интересом выслушал восторженную речь Марии и погрузился в собственные мысли.

Пятнадцать лет... Пятнадцать лет прошло с тех пор, как он впервые познакомился с профессором Смирновым, уникальным исследователем-лингвистом, лучшим другом и коллегой своего отца.

Эти годы прошли в совместных трудах и поисках, но закончились печально... Это была неожиданность, несчастный случай... Но работа профессора была закончена, и он ушел из этого бренного мира, с честью выполнив свое предназначение.

У ученого, который с семейной жизнью был совершенно не совместим, не осталось наследников, зато оказался солидный счёт в одном из частных банков Петербурга, где Смирнов жил безвылазно все последние годы.

Печальное прощание, встреча с адвокатом, озвучившим завещание, по которому наследником Смирнов указал его, Алекса. Вот так именно он, лингвист Александр Владимирович Смолев, для друзей – Алекс, друг и коллега ученого, внезапно и неожиданно для себя стал обладателем профессорского состояния.

Дом под Зеленогорском, лаборатория, библиотека, включая коллекцию древних глиняных табличек на шумерском и аккадском языках тоже остались Алексу. Пока за библиотекой и коллекцией приглядывал Фудзивара-сенсей, руководитель Додзе, где тренировался Алекс. Смолев планировал перевезти их позже в отель, который у него когда-нибудь будет.

Алекс вздохнул. А тут еще этот кардиолог, чтоб его!

«Вы переутомились, мне не нравятся ваши сердечные ритмы, давайте покрутим педали, давайте повесим на вас суточный монитор! Вам надо срочно менять режим, вам нужно к морю!» Талассотерапия то, талассотерапия сё... Болтун. Знал бы он, как Смолев провел последние пятнадцать лет, был бы сильно удивлен. Но это совсем другая история...

На счетах профессора оказалось достаточно, чтобы исполнилась давняя мечта Смолева – дом у моря. В конце концов, этих докторов чему-то же учат в их медицинских институтах – может, он и прав, и все так удачно совпало.

Старый сослуживец Алекса, Виктор Манн, работал в афинском представительстве Интерпола уже лет двадцать, дослужившись до звания полковника и должности руководителя направления. Какого именно, Алекс, по понятным причинам, не интересовался. Именно он-то и порекомендовал Алексу обратить внимание на Киклады, так красочно сейчас описанные Марией.

Островов много: найдется среди них и для Алекса укромный уголок с каким-нибудь старым венецианским особнячком на скалах, который можно будет переделать под отель по сходной цене.

Поскольку Греция уже который год переживала тяжелый экономический кризис, спровоцированный отчасти вступлением в Еврозону, а отчасти – недальновидностью местного руководства, на рынке недвижимости царил застой. Более четверти миллиона объектов по всей Греции были брошены владельцами в недостроенном виде.

Смолев серьезно рассчитывал при покупке отеля уложиться в две-три сотни тысяч евро. Тогда у него остались бы средства и на реконструкцию, и на первые пару лет ведения бизнеса, и даже не небольшую таверну с видом на море.

Начать Виктор посоветовал ему именно с Наксоса: во-первых, почти двадцать тысяч жителей, один из наиболее населенных островов архипелага, а это значит: и инфраструктура, и медицинское обслуживание (чёртова аритмия!), и какая-никакая цивилизация. Во-вторых: «Ты же любишь вино, а там есть виноградники, может быть, для тебя это шанс. Глядишь, лет через пять угостишь меня бутылочкой вина собственного производства! Попробуй, я дам тебе адресок одного своего знакомого на Наксосу, он тебе поможет с жильем. Поезжай, отдохни, а то действительно плохо выглядишь: на старый мятый баклажан похож!».

Тепло попрощавшись с другом, взявшим с Алекса твердое обещание «не пропадать и дать знать о результатах», Смолев отправился прямо в порт Пирей². Самолеты он не любил, а морская прогулка его не пугала: морской болезнью он не страдал, да и свежий ветер на верх-

² Пирей – морской порт Афин (прим. автора)

ней палубе способен, к счастью, выдуть из головы все крепко засевшие там дурные мысли и печали.

В момент, когда Мария бросила в спутника стаканчик из-под кофе и гневно сдвинула брови, а Луиза всячески пыталась снова привлечь внимание загадочного симпатичного незнакомца, в салоне наконец-то появился её муж Фабрицио.

Он хорошо знал свою супругу, поэтому держал в руках, едва не роняя на палубу, целую охапку бутылок с теплой и холодной водой, с газом и без него.

– Скузи, кара³, – нежно проворковал он. – Там такая очередь в баре!

Смолев усмехнулся. Так это его он видел оживленно щебетавшим с миловидной блондинкой-барменшей у стойки. Ох, уж эти итальянцы!

Вдруг из левого угла салона раздался громкий раздраженный голос на испанском:

– Демократия, демократия! Что вы мне тычете в нос вашей хваленной демократией? Да ни черта она не стоит, вместе с вашим Евросоюзом! И в древности ни черта не стоила, и сейчас! Афины, говорите, – колыбель демократии? Сократа кто приговорил к смерти по ложному навету, даже разбираться не стали, а все от зависти и злобы, кто? Демократы! Кто все мужское население Милоса вырезал в четырехста шестнадцатом году....

Тут итальянка перебила его, понимая, что он говорит что-то важное, а они его не понимают, попросила перейти на английский, и тот быстро перешел, нисколько не потеряв в экспрессии:

– Вырезали всех мужчин, всех до одного, а женщин и детей угнали в рабство! Кто? Ваши демократические Афины, и лишь за то, что Милос не вступил с ними в союз в Пелопонесской войне!

– Какой кошмар! – воскликнула Мария, тоже перейдя на английский, – неужели это правда?

– Правда, – угрюмо ответил испанец. – Здесь пролиты реки крови, на этих островах, уж поверьте мне, девочка, за эти тысячи лет... Реки, реки крови!

– Но это же было так давно! – вклинился тот самый смуглый парнишка, сравнивший себя с греческим богом. – Сейчас же все совсем иначе. Двадцать первый век на дворе!

– Давно? Вы очень наивны, мой друг, но ваша молодость вас извиняет... Войны, путчи, перевороты прошлого века задели Киклады, как и всю Грецию... – Тут голос старика внезапно дрогнул, и он нервно провел рукой по глазам, словно пытаясь отогнать навязчивое видение.

Его жена давно и с тревогой следившая за ним, сделала знак молодежи, покачав головой, и погладила мужа по плечу, успокаивая его. Компания умолкла, но скоро переключилась на свои разговоры, вновь заливаясь смехом.

Одна Мария молча и пристально смотрела на испанцев.

– Зачем же вы едете сюда, – наконец тихо спросила Мария у испанки, – если у вас такое тяжелое впечатление от Греции? Разве в Испании нет своего побережья?

– У Карлоса много связано с Грецией: вся его молодость, первая любовь, учеба в университете, политическая борьба, – все осталось в прошлом, и все в Греции, – грустно улыбнулась испанка и продолжила вполголоса. – Мой супруг нездоров, врачи порекомендовали Киклады. Говорят, климат здесь уникальный. Я так надеюсь, что ему здесь полегчает! Мы остановимся на вилле «Афродита». Нам друзья посоветовали... Говорят, что это достойный дом и гостеприимные хозяева.

– Вилла «Афродита»? Но и мы едем туда же! – воскликнула Мария. – Надеюсь, Ваш супруг выздоровеет!

³ «Прости, дорогая!» – ит. (прим. автора)

Испанка в ответ только грустно улыбнулась и, повернувшись к мужу, заботливо укрыла его пледом. Карлос, похоже, дремал: эта эмоциональная вспышка отняла у него слишком много сил.

Вот тебе и раз, подумал Смолев, соседями будем!

Вилла «Афродита» как раз и была целью его недолгого путешествия из Афин. А может и долгого, подумал он: если все сложится – путешествия, длиною в жизнь... Тихая пристань, о которой он давно мечтал. Если сложится... Хотя вряд ли, вот так, с первого раза – так не бывает. Не с моим «везением», усмехнулся он.

Алекс взглянул на часы: до прибытия в порт Хоры Наксоса оставалось еще больше двух часов. Он достал наушники, айфон, включил музыку, натянул на глаза черную повязку – и под любимую им классику счастливо проспал весь путь до острова.

Часть первая

В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит.

А. С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане».

Высадка на берег прошла без особых приключений. Пассажиры скоростного парома группами радостно покидали борт, ступая на гостеприимный берег Наксоса.

Остров встретил приезжих свежим ветром и группой ожидающих с табличками.

Да, Виктор так и говорил, что весь остров – практически одно небольшое семейное предприятие. Островитяне очень радушны, гостеприимны и рады приезжим: и с парома встретят, и поселят, и накормят, и на паром проводят.

Среди множества картонок с фамилиями приезжих и «Rooms to let»⁴ Алекс заметил фамилию «Mr. Smoleff», начертанную красным фломастером на куске фанеры, что держал высоко над головой молодой грек в белоснежной футболке и выгоревших добела джинсах, и направился прямо к нему.

– Добрый день, Смолев – это я. А вы Костас, сын Никоса? – спросил он, встав напротив парня и протягивая тому руку для рукопожатия после того, как поставил саквояж на песок, а трость аккуратно положил сверху.

– Кали мера!⁵ Добро пожаловать на Наксос! – сверкнул белоснежной улыбкой на загорелом лице юноша и ожидаемо удивился, увидев скромный саквояж гостя. – Как? Это весь ваш багаж? Но мне сказали, что вы останетесь минимум на две недели.

Молодой грек говорил на сносном университетском английском, с характерным твердым греческим акцентом.

Ну что ж, пора и мне начать учить греческий, подумал Алекс, раз уж у меня такие грандиозные планы.

– Мне хватит, Костас, у меня скромные запросы. На острове есть магазины, если что-то потребуется. Ну что, как мы, пройдемся пешком до виллы?

– Как вам захочется! – снова улыбнулся Костас. – У нас заказано такси, но и пешком от порта до виллы всего минут пятнадцать быстрым шагом.

– Я бы с удовольствием неспешно прогулялся и поглазел по сторонам, а вы пока мне подробно расскажете об острове, вилле и её хозяевах, – идет? За это с меня угощение для вас и вашей девушки в любом ресторане острова на ваш выбор. Конечно, только вы двое, без меня. Трое в этом случае – это уже толпа! – перефразировал Алекс английскую поговорку. – И чтобы таксист не держал на нас обиды, вот, передайте ему, пожалуйста, двадцать евро и отпустите с Богом!

Молодой грек весело рассмеялся, с довольным видом покивал и убежал отправить такси.

Смолев видел, как Костас что-то объяснял водителю «Мерседеса», стоявшему рядом со своим автомобилем на парковке, показывая рукой в сторону Алекса; водитель сначала разочаровано покачал головой, но, когда Костас протянул ему купюру – радостно схватил ее, весело похлопал Костаса по плечу, помахал рукой Смолеву, прокричал: «Эвхаристо!»⁶, вытащил табличку из салона и поспешил к толпе приезжих, желая закрепить неожиданную удачу.

⁴ «комнаты в аренду» – англ. (прим. автора)

⁵ «Доброе утро!» – греч. (прим. автора)

⁶ «Спасибо!» – греч. (прим. автора)

И ему вновь повезло: итальянское семейство – Луиза, Фабрицио и маленькая Агата немедленно загрузили его множеством чемоданов, сумок и свертков, включая корзинку с кошкой, совершенно очумевшей от новых впечатлений и запахов.

Стайка итальянских студентов, весело перебивая друг друга, расселась на скутеры и квадроциклы и с восторженными криками понеслась в сторону Хоры. Пара пожилых испанцев взяла такси. Постепенно толпа, разбираемая встречающими, редела. Костас вернулся с бутылкой холодной воды для гостя, подхватил его саквояж, и они отправились в путь.

Столица острова – Хора, она же – Наксос, раскинулась на холме прямо перед ними. Запутанный многоярусный лабиринт из белоснежных домиков с живописными арками, лестничными пролетами, увитыми зеленью и цветами. А над ним – бастионы полуразрушенной венецианской крепости.

– Это Бурго, старый город, – проследив взгляд Смолева, сказал Костас. – Он действительно очень старый, с непривычки там легко заблудиться. Настоящий лабиринт! А какие названия улочек! Вам очень понравится. Моя девушка, например, живет на перекрестке улочек Аполлона и Диониса!

– Прелесть какая. А крепость на холме? – поинтересовался Алекс.

– Это Кастро, венецианская крепость, основана рыцарями, что вернулись из крестовых походов. Когда-то венецианцы правили островом. Туда можно подняться, оттуда отличный вид на бухту и на Портару. Там археологический музей и винные погреба, стоит посетить! Вон, кстати, справа, – юноша показал рукой в направлении небольшого островка-сателлита, к которому вела узкая насыпь. – Видите огромную квадратную арку? Это и есть знаменитые ворота храма Аполлона.

– А где же сам храм? – поинтересовался Смолев.

– То ли разрушен, то ли попросту не достроен, – никто точно не знает! – весело и безмятежно рассмеялся Костас, снова сверкнув белоснежной улыбкой. – Зная характер островитян, оба варианта возможны. Но ворота есть, и влюбленным парочкам этого достаточно!

Приятный парень, подумал Алекс. Повезло с провожатым. Да и остров произвел на него, по крайней мере – пока, самое благоприятное впечатление – безмятежностью своей, что ли, спокойствием...

Но я отвлекся, он, кажется, что-то рассказывает.

– Вид с холма и на море замечательный, но тут отовсюду вид на море. Остров же! Отдельно доплачивать не нужно, – снова рассмеялся грек. – А Портару все ходят смотреть на закате, наблюдать, как садится солнце в арке древних ворот – это у местных любимое романтическое развлечение: считается, что, если юноша пригласил девушку встретить закат у Портары, это и объяснение в любви, и предложение руки и сердца. Раньше только местные ходили, а теперь и туристы не отстают. Хотя туристов здесь никогда не было много, а после кризиса – вообще никого нет. Так что, Ирини – хозяйка «Афродиты» – вам будет очень рада. Вилла-то полупустая.

По мере удаления от причала спутникам становилась лучше видна бухта, где всё еще мерно качался на волнах доставивший Смолева паром, ожидая погрузки и отплытия в обратный путь.

Живописная дамба соединяла берег с небольшим островом-сателлитом Палатия, где и находился разрушенный храм Аполлона, который так мечтала посетить бойкая итальянская студентка.

За разговорами они неспешно двигались вдоль пляжа Айос Георгиос. Смолев с вполне понятным интересом рассматривал кафе и таверны, выходящие своими террасами на пляж.

– Чем это так вкусно пахнет? – покрутив носом, поинтересовался он у своего спутника, проходя мимо очередной таверны.

– О! Это таверна старого Леонидоса. Готовит фирменное блюдо – астакомакаронадо, – бойко выговорил Костас. – Это паста, спагетти, с омаром. Еще у него потрясающий рост, пальчики оближешь!

– Рост? Это что? – поинтересовался Смолев, чувствуя, как у него уже начинает подсыхать под ложечкой.

– Это петух, тушеный в вине. Древний островной рецепт. А вон, чуть дальше, видите? Это таверна матушки Софии. Мой отец уже сорок лет привозит ей свежую рыбу, кальмаров и каракатиц. Ее сын жарит их на гриле. На праздники они готовят патудо – это фаршированный барашек, – Костас забавно закатил глаза и сочно причмокнул губами. – Его запивают местным вином и ракомело. А какие у нее сыры! Все местные сорта!

Смолев представил себе барашка, сыры, вино и решил, что если не поменять тему разговора, то до виллы он точно не дойдет: засядет, и надолго, в таверне на пляже. Свежий ветерок с моря, ласковое солнце, восхитительные запахи из таверн сделали свое дело – аппетит разыгрался не на шутку!

Тем не менее, он поинтересовался:

– Ракомело?

– Здесь ракию предпочитают пить с медом – мело, добавляя его в напиток. И сладко, и крепко! – рассмеялся Костас. – Местные любят жизнь во всех ее проявлениях. Кстати, у матушки Ирины на вилле тоже неплохо готовят, но до кухни таверны Софии ее повару далеко.

– Зайду обязательно. Кстати, насчет виллы. Почему вы говорите, что хозяйка виллы – Ирины? Мне рассказывали, что хозяина зовут Георгиос?

– Так вы же ничего не знаете, – расстроился Костас. – Старый Георгиос умер три недели назад от инфаркта. Слава богу, ему было крепко за семьдесят. Да и надо сказать, последние годы он хозяйством не слишком и занимался: любил пить кофе и отдыхать. Много кофе, очень много. Ну и ракомело, конечно... Вот сердце, похоже, и не выдержало. Хозяйка до сих пор ходит в трауре, сами увидите. Поговаривают – а у нас слухи разносятся очень быстро – что этот сезон для нее последний, потом она продает виллу и уезжает на Пелопоннес к родне. Все местные жалеют. У них еще таверна была, так и называлась «Ирины», на самом берегу, в очень хорошем месте, люди всегда ходили. Свое вино со своего виноградника в долине. Но виноградник был продан еще три месяца назад. Таверна сейчас закрыта, выставлена на продажу. И две лодки старого Георгиоса тоже продаются. Одна, правда, совсем разохлась, но побольше которая – в хорошем состоянии, отремонтировать – и в море! Но кто купит? У местных нет денег. А приезжих практически раз-два и обчелся.

Они свернули от моря на одну из улочек белоснежного лабиринта и очутились в самой старой части города, сразу попав в тень и прохладу узких улиц.

Поднявшись по каменным ступеням и сделав бесчисленное количество поворотов, они наконец вышли на улочку Апиранто, где и находилась вилла «Афродита» – небольшой отель, расположенный в историческом здании с толстыми белеными стенами, ярко-синими ставнями и дверями номеров для постояльцев.

Войдя через калитку на тенистую нижнюю террасу, всю заросшую виноградом, Смолев поднял голову и к вящей своей радости обнаружил огромные гроздья, свисавшие с реечного потолка террасы.

Боже мой, именно об этом я и мечтал! Пока все идет как надо, подумал он.

В который раз поднявшись по ступеням, они вышли на галерею, откуда можно было попасть в любой из номеров, хозяйские апартаменты и верхнюю террасу-ресторан, где питались постояльцы, с видом на море и на бухту Наксоса.

У входа на верхнюю террасу их ждала пожилая хозяйка, одетая в траур. Она тепло улыбнулась Алексу, сердечно пожав ему руку сухой, маленькой, но крепкой ладонью.

Увидев в руках Костаса саквояж Алекса, она удивленно и тревожно проговорила что-то на греческом. Костас снова рассмеялся.

– Матушка Ирины удивляется, что багажа у вас так мало. Надеется, не потому, что вы скоро уезжаете? Она очень расстроится.

– Нет, нет, – поспешил заверить Алекс, – напротив, скажите ей, что мне здесь все понравилось: и остров, и ее вилла. Пожалуй, я задержусь здесь даже дольше, чем планировал.

Костас перевел хозяйке его слова, лицо ее разгладилось и просветлело.

Она взяла Смолева за руку своей цепкой ручкой и повела по галерее к его номеру. Открыв дверь ключом, она впустила его вперед, отвесив шутливый подзатыльник Костасу, мол, не лезь, куда не просят. Тот весело рассмеялся, быстро увернувшись, поставил саквояж Смолева на пол номера и выскочил за дверь.

Хозяйка провела Алекса по комнате, оказавшейся просторной и уютной одновременно, показала жестом на кровать и удобства, распахнула дверь на балкон, заросший цветами и вьющимся виноградом.

На балконе он обнаружил два удобных кресла, столик и застыл, зачарованный видом на бухту.

Ирины, видя его тихий искренний восторг, снова улыбнулась, похлопала его по спине и что-то произнесла. Смолев беспомощно смотрел на нее, улыбаясь в ответ. Срочно учить греческий!

– Костас, – наконец сообразил он, – куда же вы пропали, идите сюда! Будете переводчиком.

Юноша заглянул в номер, поймал неодобрительный взгляд хозяйки и благоразумно остался за порогом комнаты, готовый перевести слова Ирины, обращенные к гостю.

Она снова что-то произнесла, Смолев вопросительно взглянул на молодого грека.

– Ирины надеется, что комната вам нравится, это одна из лучших в отеле. Приглашает вас на общий ужин сегодня. Она познакомит вас с постояльцами и персоналом отеля. Хозяйка специально приглашает повара сегодня вечером, будут готовить фаршированного барашка...

– Патудо? – с восторгом вспомнил Смолев гастрономическую лекцию, что прочел ему Костас по дороге на виллу.

– Патудо, патудо, – подтвердила, улыбаясь, хозяйка и снова похлопала Алекса по спине.

– А пока отдыхайте: вино, вода и сыр в холодильнике, фрукты на столе. Ужин на верхней террасе через три часа, – переводил Костас. – Добро пожаловать на виллу «Афродита»!

Хозяйка ушла, за ней и Костас, весело насвистывая.

Помимо купюры в двадцать евро за помощь, Смолев подтвердил свое обещание оплатить юноше ужин на двоих в любом ресторане острова на его выбор. Парень толковый, и еще сможет быть очень полезен.

Алекс прикрыл дверь, разобрал вещи и принял душ, смыв с себя усталость после парома. Открыл бутылку местного белого вина, налил себе в бокал и вышел на балкон.

Море расстилось перед ним до самого горизонта. Алекс вдруг почувствовал себя дома – и очень удивился... Задумчиво рассматривая в бухте белоснежные яхты и рыбацкие лодки с ярко-голубыми линиями вдоль бортов, он переводил взгляд на крыши домов и вилл, вдыхая запах моря полной грудью.

Алекс закрыл глаза и прислушался к себе. Спокойствие и безмятежность?..

Может, он и в самом деле нашел то, что искал?

Часть вторая

Барашек патудо (остров Наксос)

1 барашек до 6 кг (с внутренностями)

1 кг зеленого лука

1 пучок укропа

1/2 кг твердого сыра

1/4 кг соленого свиного сала

1 чашка риса

2 чашки сливочного масла

соль, перец

Помыть и почистить барашка. Нарезать печень на небольшие куски и измельчить зеленый лук. В большую сковороду положить чашку масла и обжарить в нем печень и лук, затем добавить сало, рис, укроп, посолить, поперчить, налить немного воды и оставить на огне на 2—3 минуты. Затем снять начинку с огня, порезать твердый сыр на кусочки, добавить его в начинку и перемешать. Данной смесью начинить барашка и зашить толстой ниткой. Посолить и поперчить тушу снаружи и обмазать остальным маслом. Жарить 3 часа на медленном огне.

Из «Поваренной книги острова Наксос» Алекса Смолева.

Ровно через три часа в дверь номера постучали. Алекс открыл дверь.

На пороге стояла очаровательная молодая гречанка и молча улыбалась, глядя на Смолева.

Алекс, потеряв дар речи, в свою очередь смотрел на нее: красавица – огромные черные глаза, нежная кожа, белоснежная улыбка!

Пауза начала затягиваться. Не стой столбом, одернул сам себя Алекс, ты же лингвист, скажи уже что-нибудь!

Но девушка, насладившись его замешательством, сама первой произнесла слова приветствия:

– Добрый вечер! Меня зовут Катерина, я горничная, меня за вами прислала матушка Ирины. Я провожу вас к гостям! – все это она произнесла очень быстро, почти скороговоркой.

Первые несколько секунд Смолев в легком смятении соображал, что случилось, и почему это он вдруг стал понимать греческий как родной. Потом до него дошло, что девушка говорит на чистейшем русском языке, хоть и с едва уловимым акцентом.

Наблюдая его растерянность, Катерина весело рассмеялась, слегка закинув голову назад.

– Не удивляйтесь, я говорю по-русски, у меня мама русская, а папа грек, – также стремительно объяснила она. – Матушка Ирины сказала, что вы из России и вам будет приятно поговорить со мной на родном языке. Вас зовут Алекс? Не стойте же, Алекс, пойдемте, почти все уже собрались. Столы накрыты, вас ждут.

– Да, конечно, Алекс. Да, да, пойдемте, – пролепетал невпопад Смолев с опозданием, не ожидавший такого напора, и отправился вслед за своей провожатой.

Девушка, оборачиваясь, рассматривала его своими блестящими черными глазами, то и дело прыскавая в кулак.

– Костас мне сказал, вы только сегодня прибыли на остров с дневным паромом, вам у нас уже нравится? – спросила она, развернувшись вполборота, не снижая скорости. – Ой, чуть не забыла: спасибо вам за ресторан, мы обязательно воспользуемся вашим приглашением!

– Так вы – девушка Костаса? – догадавшись, с облегчением рассмеялся Алекс, наконец приходя в себя.

– Да, мы собираемся пожениться через два года, когда Костас вернется на остров после окончания Университета. А пока мы видимся на каникулах, когда он приезжает домой, и когда я приезжаю к нему в гости в Салоники, где он учится.

– На каком факультете он учится? – поинтересовался Алекс, стараясь не отставать от своей провожатой, взлетающей по крутым лестничным пролетам с грациозной легкостью молодой серны.

– На сельскохозяйственном! Тут все учатся на сельскохозяйственном. Наксос кормит пол-Греции! Вы не знали? Что вы! Кстати, мама говорит, что вкуснее картошка растет только в Сибири, откуда она родом, а так на острове лучший в Греции картофель! Кстати, и сын матушки Ирины, Димитрос, тоже заканчивал этот факультет несколькими годами раньше. Вы с ним сегодня познакомитесь, главное, успеть, пока он трезв. Он прекрасный человек. Таким был работающим всегда! А какой заботливый сын! Но после смерти отца он редко бывает трезвым. Серди-и-тый, когда выпьет! Главное, чтобы они снова не сцепились с Константиносом, как три дня назад. Матушка Ирины сгорит от стыда перед гостями...

– Кто такой Константинос? – переводя дух перед последним марш-броском, спросил Алекс.

– Это родственник семьи... Какой-то дальний. Константинос Галифианакис, юрист. Так он всем представляется. Кажется, двоюродный брат покойного Георгиоса. Тот назначил его душеприказчиком. Он то ли адвокат, то ли нотариус – я в этом не разбираюсь. Одно могу сказать: неприятная личность! Ему за семьдесят, а он пытался меня лапать за коленки, когда я приносила кофе в номер. Он этот кофе пьет просто литрами и все время требует, чтобы именно я его обслуживала. Я не хочу скандалить и боюсь, если Костас узнает – так он его убьет! Противный старикашка. У него есть еще секретарь, Иоаннис Митрас. Молодой, но тоже наглый и высокомерный, зализанный такой весь ходит, напояженный... Аж плюнуть хочется! Как моя мама говорит: «Каков поп, таков и приход!». Очень Димитроса боится, тот ему уже один раз врезал, когда он младшую из горничных прижал в углу. Как он скулил! Потом неделю не показывался, синяк запудривал. Константинос его ждет со дня на день с какими-то важными бумагами из Афин. Тоже в номере сидит, как паук, носа не высовывает, все к себе горничных вызывает по любому поводу... Если повторится, придется сказать Ирине, но она, похоже, ничего не может с ним поделать: он ведет себя здесь как дома. А я не хочу терять работу, мне здесь нравится. На острове работы вообще не найти! Да и здесь, похоже, последний сезон, – в голосе девушки ясно прозвучали грустные нотки.

– Да, мне Костас говорил, что вилла продается. Но вы, может, останетесь работать и при других владельцах, – сумел вставить слово утешения Смолев.

– Хотелось бы, я стараюсь, как могу. Если бы не этот противный Константинос. Скользкий он какой-то, как медуза. Скользкий и липкий, если вы понимаете, о чем я. Садовника нашего отчитывал, как мальчишку! А он сорок лет здесь трудится! Повариху довел до нервного срыва своими придирками. А с Димитросом у них почему-то просто война. Болтают, что все из-за завещания старого Георгиоса. Слава богу, Константинос из своего номера выходит очень редко, и сегодня его на ужине не будет. Уф-ф-ф-ф... Ну вот мы и пришли! Ну, тут я вас покидаю, мне нужно помочь на кухне и за столом, а потом я к вам вернусь! – девушка почти втокнула Смолева на террасу, где были накрыты столы, играла музыка, был слышен шум голосов и веселый смех, а сама, развернувшись на каблучках на сто восемьдесят градусов, быстро исчезла.

«Вот это скорость», – подумал Алекс. «Пожалуй, я бы не выдержал. Я уже старый, мне нужен покой. Безмятежность и спокойствие. Спокойствие и безмятежность. И одиночество?» – с сожалением подумал он. «Ты ведь совершенно одинок. Не пора ли...» Но тут он сделал над собой усилие и прогнал дурные мысли, хоть и знал, что ненадолго. В последнее время они посещали его все чаще и чаще... Ну, а пока – спокойствие и безмятежность! И бокал хорошего вина. Похоже, его тут в достатке, отметил он, входя на террасу.

Вокруг накрытого стола, что практически делил террасу пополам, толпилось два десятка человек с бокалами в руках. Дверь в кухню то и дело распахивалась, изливая на присутствующих неземные ароматы тушеного мяса, чеснока, оливкового масла, специй и соусов греческой кухни; оттуда на террасу шустро сновали официантки, деловито накрывая на стол, который и так уже ломился от закусок, вина и многочисленных местных специалитетов.

Хозяйка виллы заметила Смолева и подошла к нему сама, держа под руку хмурого широкоплечего мужчину лет тридцати.

– Добрый вечер, – по-английски, с сильным акцентом произнес мужчина. – Я Димитрос, сын Ирины. Мы с мамой рады приветствовать вас на вилле «Афродита». Мы много слышали о вас от наших афинских друзей. Принимать вас – для нас честь и удовольствие. Мама говорит, – после короткой паузы, выслушав внимательно греческую скороговорку матери, – мама говорит, что вы обещали остаться надолго. Это хорошая идея! Вам у нас должно понравиться.

Мужчины обменялись рукопожатием. У Димитроса были широкие крепкие ладони крестьянина, привыкшего работать на земле. Он перестал хмуриться, даже заулыбался, но выглядел несколько потерянно, словно какая-то мысль не давала ему покоя.

– Добрый вечер! Мне у вас уже нравится, – улыбнулся Смолев. – А вечер еще только начинается! Чем это так божественно пахнет из кухни?

– О! Это фаршированный барашек на вертеле, – Димитрос перевел матери их диалог.

Та разулыбалась, произнесла: «Патудо, патудо!» – снова ласково похлопала Алекса по плечу, сказала что-то Димитросу и отошла в сторону кухни.

– Маме надо проверить, все ли в порядке со столом. Давайте-ка я представлю вас посто-яльцам, ведь впереди целый вечер.

Димитрос по очереди подводил Алекса к гостям виллы и представлял его как почетного гостя, успешного ученого, бизнесмена, – что еще там наплел Виктор встречающей стороне? Ну, берегись, старый приятель! – из далекой заснеженной России, большого патриота Греции (почему бы и нет, Смолев не возражал), желающего осесть где-нибудь на Кикладах.

Гости жали Алексу руку, искренне шумно удивлялись и не менее искренне радовались за него. Алекс нравился гостям. Им, впрочем, нравилось уже всё. Как сказал Димитрос, некоторые провели на террасе уже час, наслаждаясь местным вином, сырами, тимьяновым медом, фруктами и обществом друг друга.

Первой была греческая пара в преклонном возрасте, приехавшая отдохнуть с материка на остров. Когда-то они встретились здесь и полюбили друг друга. Вспоминая свое венчание в красивой белоснежной церкви Божьей Матери Филотийской и последовавшую за тем

свадьбу пятьдесят пять лет назад, супруги даже прослезились. Гулял весь остров! Сейчас таких свадеб уже не играют, нет, не играют: кризис, да... Да и люди изменились, нет того веселья, радушия. Вот Ирины, хозяйка, одна из немногих, кто понимает толк в островном гостеприимстве. Говорят, она планирует уезжать. Какая потеря для острова, какая потеря, сокрушенно качали головами и разводили руками. Куда они будут ездить? Это печально: они так привыкли к этому дому, здесь всегда чтит традиции... Как Георгиос всех подвел, как подвел, а ведь еще совсем молодой, восьмидесяти не стукнуло, – жить да жить!..

Димитрос немного утешил их, подарив им персональную бутылку ракомело для мужа и китрона для супруги. Греки обнялись и долго хлопали друг друга по спине, старушка снова пустила слезу.

Оставив стариков вспоминать былые дни под рюмочку ракомело, Димитрос подвел Алекса к паре молодых англичан из Борнмута: Лили и Джеймсу Бэрроу, историкам-археологам. Здесь Алекс оживился: он бывал в свое время по делам службы в Борнмуте и соседнем Пуле.

Выпив по бокалу вина с англичанами и искренне похвалив прекрасные крабы и местные устрицы, которыми он наслаждался в Пуле, и отметив великолепные стейки в «Sun Cliff Hotel» в самом Борнмуте, которые он долго не мог забыть, Алекс поинтересовался, что привело чету Бэрроу на остров.

Оказалось, что у Джеймса есть целая теория по поводу зарождения цивилизации на острове, он два последних года усиленно обучался дайвингу и готов обнаружить необходимые доказательства своей теории. Уже готовы и маршруты, есть договоренность с владельцем и капитаном катера. Если Алекс будет не против, они будут рады пригласить его в свою компанию.

Алекс выразил свою полную готовность, чем несказанно подбодрил и обрадовал англичан: видимо, все-таки в своих способностях дайвера Джеймс не был уверен до конца.

Милые люди, обязательно схожу с ними в море, подумал Алекс. У него появилась мысль обойти остров целиком с моря, рассмотреть его как следует, а чета Бэрроу – прекрасная для этого компания.

Затем они подошли к испанской паре. Их Алекс запомнил еще по парому.

– Карлос Мойя, хирург, очень приятно, – протянул испанец руку Смолеву, и тот невольно отметил силу его рукопожатия: как клещами стиснул! – А это моя жена, Долорес. Вы же видите, недаром она все время грустит, мне никак ее не развеселить.⁷

Жена махнула рукой в ответ на шутку мужа и сердечно поздоровалась с Алексом.

Смолев оценил каламбур испанца и смог, находясь от него вблизи, как следует его рассмотреть.

Высокий, ростом повыше Алекса, прямой, жилистый, синьор Мойя производил впечатление сильного, волевого и благородного человека.

Испанский гранд, окрестил про себя его Алекс. «От Севильи до Гренады», – понимаешь, – «в тихом сумраке ночей... раздаются серенады, раздается звон мечей!». Кружевного жабо ему не хватает к его седой эспаньолке и клинка работы толедских мастеров – и тогда хоть портрет пиши, в подражание Веласкесу. Типичный герцог Оливарес, одно лицо! И жена ему под стать, благородная синьора. Но почему столько тоски и печали в ее глазах? Словно что-то мучит ее и жжет изнутри.

Алекс в свое время побывал в Испании, был и в Севилье, и в Гранаде, и в Кордобе, и в Ронде, и много где еще. Испанская культура его завораживала, испанские вина, особенно из провинций Руэда и Риоха, приводили в восхищение.

– Не ваш ли родственник случайно синьор Мендес Мойя? – на вполне приличном кастильском диалекте испанского языка поинтересовался Смолев. – Во время последней моей

⁷ «Долорес» – «скорбь», «печаль» – исп. (прим. автора)

поездки по Андалусии я имел честь нанести ему визит в его замечательное винное хозяйство в окрестностях Гранады.

– Увы, нет, – оживился испанец. – Но я слышал о нем; его вина достаточно известны среди эко-виноделов. Андалусия – моя любовь! В Ронде я прожил несколько лет...

– Toros!⁸ – вмешалась было его жена, но он резко дернул головой, и она замолчала.

– Да, в Ронде старейшая арена для боя быков, – подхватил было Алекс. – Но я, к сожалению, никогда не был на корриде.

– У вас прекрасный испанский, – польстил Смолеву синьор Мойя, переведя разговор на другую тему. – Думаю, что у вас была большая практика. Редко встретишь иностранца, который с таким вниманием отнесся бы к культуре другой нации. У меня полное ощущение, что я беседую с соотечественником. Нам будет очень приятно провести с вами эти несколько недель здесь; будем рады пригласить вас на ужин, обменяться воспоминаниями. Надеюсь, вы расскажете нам о России: мне всегда хотелось знать как можно больше о вашей стране.

Смолев с чувством поклонился, Димитрос в свою очередь крепко пожал руку испанцу, поклонился его супруге, и они отошли.

– Предлагаю наполнить бокалы, – сказал Димитрос. – Только подождите, я принесу бутылочку вина с виноградников, которые... – тут он замялся на пару секунд и продолжил: – Словом, я очень хорошо знаю этот виноградник. Поверьте, вы оцените это вино!

Сказал и исчез, оставив Смолева одного. Но тот не успел соскучиться: неожиданно к нему присоединились вернувшаяся Катерина и та самая Мария, итальянка с парома.

– Знакомьтесь, это Мария, моя подруга из Италии! – весело представила свою попутчицу подруга Костаса. – А это господин Алекс Смолев, из России, тоже сегодня первый день на острове.

– Какое совпадение! – Мария протянула Алексу тонкую загорелую руку, и он ее осторожно пожал.

– Даже больше, чем вы думаете, – перешел Смолев на итальянский. – Мария, мы приплыли на одном пароме, я хорошо помню лекцию по истории, которую вы прочли своим друзьям-«балбесам». Так, кажется вы их окрестили? Где они, кстати?

Девушки дружно рассмеялись.

– О, с вами нужно быть начеку, господин Смолэфф, – шутливо произнесла Мария, снова перейдя на английский ради Катерины. – Вы все слышите и все подмечаете! Может, вы сыщик? А балбесы на дискотеке, до утра их точно не будет, проснутся где-нибудь на пляже, в лучшем случае – найду их в прибрежной таверне к обеду.

– Удалось ли вам посетить ворота храма Аполлона?

В этот момент появился Димитрос с бутылкой вина и штопором.

Катерина представила их с Марией друг другу. По лицу Димитроса было заметно, что появление Марии произвело на него огромное впечатление, которое он тщетно попытался скрыть.

⁸ «быки, коррида» – исп. (прим. автора)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.